

БАШУШКОВА ОКСАНА

Монолог Джона

СОЦИАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Оксана Башушкова

Монолог Джона

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Башушкова О. И.

Монолог Джона / О. И. Башушкова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Рóман получил заслуженную славу, красавицу жену и домашний уют. Роузи уже добилаь практически всего, о чем мечтала. У неё есть признание, красивый загородный дом, любимая работа и заботливый муж. И только погода, оба понимают, со временем, потраченным на деловые встречи, перелеты и переезды, они утратили и шанс стать заботливыми родителями. Пара решает обратиться в приют. Их запрос одобряют. Они становятся названными родителями для малыша. Но на новом этапе жизни семья встречается с другой проблемой - Джон нем. Теперь им предстоит не только бороться со своими внутренними демонами, а и найти общий язык с крохотным созданием.

© Башушкова О. И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Старенький Бьюик, выкрашенный в ярко-желтый цвет, не спеша проехал по узкой, укрытой зеленью, улице и остановился у его нового дома. Знакомый семьи, в которую он прибыл, любезно согласился помочь с переездом. И вот, спустя недолгих тридцать минут пути, его первые маленькие шаги усыпали незнакомую землю. Он аккуратно вошёл во двор, стараясь всем своим худощавым, хрупким телом не выдать весь страх и переживания. Покрутив черной, словно уголь, головой, он принялся вдыхать свежесть, которой ему так не хватало в приюте. И вот теперь Джон почувствовал свободу. А ещё через секунду – дом. Навстречу ему вышла женщина лет тридцати. Ее худощавое тело обтягивало сверху и давало свободу движениям снизу белое платье с красными макаками и шелковой лентой на талии; на лице не было ни одной видимой морщины, а губы расплывались в широкой улыбке.

– Джон! – она ринулась к нему навстречу, – Джон.

В этот миг он испытал два чувства, о совместимости которых раньше и не догадывался. Настоящий страх он впервые испытал оставшись без матери. Это было солнечное летнее утро. Его небольшое тельце нежно щекотала насыщенная цветом и жизнью трава, в карих глазах отблескивало солнце. В нескольких метрах от него расслаблено лежала мать с братом. Близился вечер и вот его красивая, такая молодая мать бережно, заботливо, но и со строгостью во взгляде, приводила в опрятный вид, как две капли похожего на Джона, Стюарта. Пестрые бабочки летали над готовящимися ко сну цветами, трудолюбивые пчёлы суетились около ульев, усердные муравьи тоже куда-то торопились. Эту музыку природы дополняло журчание холодного ручья, из которого они так любили пить захлеб после салок. Но вдруг эту идиллию, момент единения с природой прервал несносный шум. Вокруг стемнело и землю начали атаковать снаряды ледяного, не щадящего ни одно живое существо, града. Поднялся сильный ветер. Ему некуда было бежать, а мать с братом потерялись из виду. Несколько секунд Джон метался со стороны в сторону, но безжалостный лёд всё же попал по его крохотной голове, и он разразился плачем. Казалось, еще один удар и не сможет больше извиваться замерзшее тельце, упадет и останется здесь, один на один с произволом природы. Но на его всхлипывания откликнулась мать. Она так же громко рыдала от страха и боли внутри. Её силуэт мелькнул в нескольких метрах от него, в нескольких шагах и вот она уже совсем рядом, дергает его за шиворот, давая знак держаться рядом. От дерева к дереву, перебежками, они старались добраться до ближайшего городского киоска. Недалеко от поля, где они отдыхали от духоты, расположилась небольшая пекарня с ароматными и сочными булочками. Джон со Стюартом любили там, жадно вдыхая аромат, поесть свежую выпечку с вишней, яблоком и абрикосом. Получая свою порцию, каждый из них походил на дикого зверя; не оставляя и крошки, они могли потом подолгу спокойно сидеть, наблюдая за проезжающими мимо машинами и пешими туристами, которые стремительно шли покорять местные горы.

До этого самого киоска оставалось около десяти метров, когда стена града ослепила Джона и тому, сбившись с пути, пришлось бежать, пока ноги его не подвели. Он упал. Он не слышал больше ни матери, ни брата, ни злобный шум ветра и барабанную музыку льда. Ничего. Его спину, голову, ноги больше не старались загнать, как можно глубже в землю, настроения природы. Он со страхом открыл глаза. Дорога. Вокруг высоченные дома, в которых в разброс загораются окна. И вот он – под навесом одного из них. Тогда Джон ощущал каждой клеточкой тела, необъятный страх. Но он был спасен. Хотя легче от этого не становилось. Где мать, с которой они еще никогда не расставались? Где вечно озорной и неусидчивый Стюарт?

С того времени он больше не испытывал столько страха; в его мыслях не было столько растерянности и непонимания. Всю его сущность охватило это жуткое происшествие, поэтому ему трудно вспоминались равнодушные люди, которые спасли его от беспризорности, все документы, объявления и бумаги, которые могли бы его вернуть домой. Он не знает, но около трёх недель его жизнь решалась и развивалась без него и его близких людей. Джон только спал и отъедался, неохотно купался и терпел походы к врачу, чтобы залечить все раны, которые оставил летний град. Приходить в себя он начал уже в приюте. Страх ослаб, и Джон снова начал замечать все происходящее вокруг.

И вот теперь его страх смешался с облегчением. Второе чувство он испытывал чаще. Каждый раз, когда на пороге приюта, в котором он очутился, появлялись красивые молодые пары, серьезные женщины-трудоголики, мужчины, состоящие в однополном браке или одинокие дамы в возрасте, Джон молился, чтобы они не увидели его. К счастью, там были те, чьи милые лица и жизнерадостность привлекала людей больше, чем его задумчивость, молчаливость и еще сочащиеся раны. Поэтому после того, как посетители скрывались в сером коридоре, его душу наполняла легкость. Ведь он верил, что когда-то мама придет за ним именно сюда.

Но время шло; лето уже давно закончилось. А вместо матери с братом к нему пришли совершенно незнакомые люди. Они не казались ему такими безразличными, угрюмыми, наполненными горем и печалью, как те, которые приходили до этого. Ему даже нравилось проводить с ними время. Рыжеволосая женщина всегда так искренне улыбалась и разговаривала с ним, как с родным. Джону безумно нравилось слышать из её уст свое имя и прикосновения её небольших белых и холодных рук к его щекам. От неё, Роузи, часто пахло цветами и какими-то вкусными пряностями, иногда пирогами. Он еще помнил тот пьянящий запах выпечки из булочной у дороги. С ней всегда приходил крупный, мускулистый и заросший мужчина. Его голова была усыпана чёрными кудрями, блестящими на солнце, словно жужалка на дорогах шахтных городков; Эти черные волны плавно переходили в густую бороду, которая почему-то поблескивала рыжими и даже желтыми цветами. В карих глазах этого большого и доброго великана, Романа, Джон видел свое отражение, и ему нравилось, что их волос, цвет глаз и характер так похожи. А еще, сидя около него, Джон слышал запах травы и смолистой коры; закрывал глаза и снова видел бабочек, поле, цветы; представлял журчание ручья.

Вскоре посещения Роузи и Романа прекратились. Джону с трудом удавалось уснуть по ночам и днем влиться в компанию соседей: Норы, Лады, Пи и Сэма. Его мысли заполняли эти незнакомые люди, которые почему-то оставили его тут, в этом бездушном приюте, где он не мог найти себе ни спокойного места, ни друзей. Он только рассматривал их, находясь мыслями где-то в прошлом или неизвестном будущем. Из-за своих же мечтаний и отрешенности, Джон часто оставался без обеда или угощений от посетителей. Крупный Сэм и его товарищ Пи за считанные минуты поглощали все съедобное, что появлялось около них. И вот снова Джон летал в своих мечтах, четверо соседей хрустели и пожевывали какой-то новый фаст-фуд, привезенный меценатами, когда дверь распахнул высокий светловолосый мужчина. Он спокойно подошел к Джону, не сказав ни слова, подхватил его на руки и понес прочь. На выходе он забрал какие-то бумаги и справки у заведующей приюта. Та в свою очередь легонько стукнула Джона по носу и пожелала удачи в новой семье.

Дорога оказалась такой увлекательной, что ему совсем не было страшно. У Джона не было вопросов о том, куда он попадет после этой поездки. Наконец-то он чувствовал свободу!

«Деревья! Деревья! Какие зеленые поля! Высокие и низкие дома. Как я скучал по этому всему...» – думал Джон, смотря в окно на заднем сидении.

И этот высокий незнакомый человек совсем не пугал его. Он молча вез крохотного Джона в новую семью, где он снова и увидел невысокую молодую рыжеволосую Роузи с распростертыми объятиями.

– Джон, малыш, я так рада! Ты, кажется, подрос, – она собрала длинную юбку платья и присела так, чтобы дотянуться до его удивленного лица.

Роузи аккуратно приподняла уже радующегося Джона и прижала к себе. От неё пахло чистотой и ещё чем-то, чего раньше ему еще не приходилось слышать.

– Теперь это все твоё. У нас, конечно, не замок усаженный именитыми цветами и газоном, но обещаю, с нами тебе будет намного лучше, чем в твоём прошлом доме.

И в словах, произнесенных месяцем ранее, она была абсолютно права. Джону нравилась загородная тишина и милость природы. Он больше ни разу не видел страшных туч, не слышал грома и даже дыхания сильного ветра в спину. Они часто гуляли по террасам природы, собирая цветы, узорчатые палки, просто красивые и лечебные травы. После чего забирались как можно выше, удобно усаживались и смотрели куда-то вдаль. Роузи была полностью погружена в свои мысли, а Джон немного передохнув, спешил ловить бабочек или гонять, пасущихся неподалеку, овец и коз.

Осень не спеша вступала в свои права. Джон уже совсем освоился и чувствовал себя настоящим повелителем природы. Порой, сидя в беседке, он затихал, прислушивался несколько минут и резко начинал бежать. Шёл Роман. Джон любил его возвращения с работы, поэтому не жалея сил бежал ему навстречу. Глаза блестят, не видят никого вокруг. Весь взъерошенный он добежал до Романа и оказывался на руках. Потом они не спеша доходили до своего двора, садились рядом в беседке, как будто они кровная родня и ждали теплой встречи Роузи, которая всегда выходила с улыбкой. Вечерами Джон предпочитал сидеть на старом, уже освободившемся от коры, пне березы и думать о чём-то своём: планировать утренние прогулки, вслушиваться в шум насекомых и смотреть на суетящихся перед сном Роузи с Романом.

Теперь уже для Джона не был загадкой запах, который он услышал от Роузи по прибытию. Это были ароматные травы, что она собирала и сушила, а потом замачивала в кипятке, подготавливая для изготовления домашнего мыла. Он мог подолгу с интересом наблюдать за уже знакомым процессом: подбор масла для формирования мыльной основы и эфирных масел собственной работы, трав личного сбора; Роузи аккуратно измельчала их. Острым ножом она отрезала тонкие дольки фруктов и погружала их в тот же горячий чан со всеми премудростями для создания мыла; после всего доставала свои любимые формочки в виде треугольников, пирамид, шаров и осиных сот. Мылу осталось теперь только застыть в них. Потом Джон тихо вставал, чтобы не отвлекать её от дела, и уходил в амбар, где пахло инструментами и маслом. Еще по приезду, знакомясь с местностями, он приглядел в этом самом стареньком деревянном амбаре, стог сена, который едва-едва не доходил до закругления на крышу. Первое время он тяжело и по несколько раз повторял попытки взобраться на него. Сено рассыпалось, и он снова оказывался внизу, весь усыпанный мелкими желтыми веточками льна. Но Джон никогда не сдавался и вот он уже довольный лежит на самом вершине и разглядывает морщинистую крышу, видя в ее узорах изображения то людей, то зверей, а порой и целые картины.

Рбман в выходные дни активно подготавливался к зиме, запасаясь в поле хворостом, в лесу неподалеку – дровами. И освобождал место под дрова в амбаре. Однажды, он даже брал Джона с собой в лес. Но чем он – маленький, хрупкий, бессильный мальчик, может помочь в огромном сыром лесу? Он то и дело, что прыгал по упавшим деревьям, прислушивался к шороху и пытался побороть дрожь, которая предательски выдавала его панику. Другое дело амбар! Там он был хозяином. Помогая Рбману убирать налетевший за весну и лето пух, траву, листья, он поднимал по несколько травинки и весело бежал куда-то в сторону огорода, а сделал несколько кругов по двору, подносил то, что осталось к горящему костру.

Пока парни делали все для того, чтобы удалось пережить наступающую зиму, которая в этом году должна быть достаточно холодной, Роузи собирала последний поздний урожай или варила ароматные супы и каши, стараясь все сделать до темноты.

– Какая чудесная погода! Джон, мы успели поймать последние солнечные дни! – радовалась Роузи при одной из дневных прогулок по пожелтевшему и мягкому от постоянных дождей, полю.

Сегодня, впервые за несколько недель, с самого утра светило солнце. Но земля не спешила просыхать. Целая неделя дождей и первых ночных заморозков давала о себе знать.

– Перед обедом нужно нагулять хороший аппетит. Потом немного отдохнешь и пойдем, встречать Рбмана с работы, если хочешь. На сегодня я покончила с делами. Вот что значит бессонница! Ты представляешь, с трёх часов не могла уснуть. Хотя кому я говорю, ты и сам всё слышал! – Роузи усмехнулась и добавила товарищеским тоном, – Я старалась не шуметь.

Они снова и снова взбирались на самую вершину холма. И чем ближе они были к солнцу, тем жарче становилось и Роузи, и Джону. Спокойный шаг они сменяли пробежками, потом останавливались около лисьих нор и прислушивались, нет ли там, внутри, каких-то движений. И снова отправлялись бежать наперегонки.

Роузи сбавила темп от усталости, а Джон и совсем замедлился, потом упал в мокрую золотистую траву и с мыслями о воде, закатил глаза, но через минуту снова открыл их, когда услышал где-то недалеко от себя запах озера. Он резко встал, оглядел все сверху до низу и ...

«О чудо! Озеро! Прозрачное! Вода. Как же я хочу пить. До него около сорока метров. И пусть!».

Он бросился со всех ног к манящей воде, забыв о Роузи, о норах и колючих ветках. Роузи бросилась вдогонку, но что может её тридцатилетнее тело по сравнению с его молодыми мышцами?!

Вот оно. Совсем близко. Джон слышал его шум и, утомившись от жары, не задумываясь, прыгнул в озеро. Под его молодым разгоряченным телом что-то захрустело и затрещало. Ночные морозы оковали берег небольшого озера ледяной коркой, которая сейчас рушилась под ногами и грудью Джона.

– Джон, Джон! Что ты делаешь, маленький чертенок? Неужели совсем не хочется жить? – взмолилась уставшая Роузи, вытаскивая из воды испуганного Джона.

Она расстегнула старую, пропахшую костром и сыростью летней кухоньки, коричневую куртку по колено и прижала к себе замерзшего Джона. Холодная вода пропитывала её гольф и не спеша стекала с ушей, пальчиков и покрасневшего носа малыша. Роузи торопилась домой,

не замечая вытопанных людьми дорожек, ступала прямо в грязь и лужи. Какой-то неразборчивый шёпот не доходил до сознания Джона, ему было уж слишком холодно и стыдно. Он закрыл глаза:

–Зачем я вам? Зачем? Я напугал тебя своей глупостью, – он заплакал.

До дома оставалось около пяти минут, но она уже не могла торопиться. Одна нога подбивала другую. Обычно удобная куртка сейчас казалась тяжелыми оковами и замедляла её темп. Но стараясь не сдаваться, крепко прижимая к себе дрожащего Джона, Роузи продолжала идти.

Добравшись, она укутала его в плед и принялась растапливать печь. Её руки тоже замерзли, пока она спешила уберечь малыша от болезни или переохлаждения. Стрый чайничек в красный горшок уже трещал на огне. Она насыпала в чашку душистых трав: ромашку, мяту, мелису, чабрец и цветы чайной розы, присела около Джона и заглянула в его глаза, нащупывая репейник, жадно вцепившейся практически во весь его рост.

-Не пугай меня так больше.

-Я провинился, мне стыдно смотреть тебе в глаза. Я еще не видел тебя без улыбки, – он всхлипнул, – Прости, прости. Если бы я только мог тебе это всё сказать, но я... Я нем.

И он действительно не мог говорить. Именно поэтому его никогда не подводил ни слух, ни нюх. Джону удавалось даже услышать незнакомые запахи, приближающиеся к их двору и предупредить Робмана или Роузи о приходе гостя. Слушая песни природы, он мог словить тяжелые шаги, идущие еще в поле и точно знать, что возвращается их работающий отец.

Но говорить он не мог.

Ещё при первой встрече Роузи с Робманом знали обо всём.

«Почему не испугались? Зачем вам я?» – часто, смотря на свою новую семью, думал Джон.

И действительно, они знали обо всех трудностях воспитания и общения. Но он им был важен. Наверное, эти двое нуждались в нём больше, чем он в них.

Роузи и Робман Бойкот совсем не коренные жители этого небольшого посёлка, скрывающегося в тени чешской столицы. Около трёх лет назад их привела сюда судьба из Румынии, а туда они переехали из Польши. Кстати говоря, они и поляками не были; их соседями – прибывшей на заработки молодой парой с центральной Украины. Их путь начался ещё шесть лет назад: постоянные переезды, съемные квартиры и смена работы. Все события их жизни были связаны с работой Робмана. Начиная еще с детских лет, он посвятил свою жизнь восточным боевым искусствам, которые и принесли свой плод – он – самый известный тренер на родине, отправившийся осваивать новые пространства. Его дела в небольшой Польше сначала шли не достаточно хорошо, но со временем, тратя все силы и деньги, он всё же смог набрать несколько юношеских групп. Через год жизни за границей, он написал Роузи, что хочет забрать её к себе. Прибыв на стареньком автобусе в Катовице, в середине жаркого июня, она бросила все силы на поиски работы. Но её умения и знания в работающей руками Польше никому негодились. Тогда их молодость кричала о путешествиях и бредила славой, приведя их в Румынию, где Робман завел несколько удачных знакомств.

Огромный спа-центр курортного отеля приютил украинцев в домике для персонала. Им приходилось вставать в пять утра для того, чтобы позавтракать вместе и поговорить о вче-

рашнем дне. Потом около шести он шёл проводить тренировку для гостей отеля, после учил детей основам и духовным принципам борьбы, и уже под вечер отдыхал от общения, подрабатывая спасателем искусственного пляжа с ярким подсвечивающимся бассейном. Рабочий день Романа кончался около двенадцати ночи, когда он уставший возвращался в их домик, и даже не сбрасывая одежду, укладывался спать.

Её рабочие дни всегда были однообразные и скучные. Небольшой ресторанчик при отеле – «Ле Вата», открывался в восемь утра и работал до последнего клиента. Роузи, проводя Романа на его утреннюю тренировку для богатеньких дам и престарелых мужичков, заваривала себе чашку чая и ещё около часу занималась своим любимым делом – писала стихотворения; потом быстро натягивала надоевшую бледную форму официанта, собирала, тогда еще короткий, волос в затянутый пучок, одевала неудобные черные старушечьи туфли на толстом высоком каблуке и брела в ресторанчик. С восьми утра до восьми вечера она обслуживала гостей и пыталась угодить их маленьким капризным детям. А когда темнело, ей было позволено снять белый фартук и устроиться на ближайšie семь часов за барной стойкой, разливая выпивку тем, кому не спиться на отдыхе в Румынии.

Такой ритм приезжим рабочим приносил немалые деньги и обеспечивал жильем, но не давал ни одного выходного, и даже возможности побыть вместе. Стоит ли говорить, что еще после переезда в польский городок с иллюзиями об удачно сложившейся жизни, Роузи задумалась о детях? Но её избранник всячески отговаривал её от этой мысли, ссылаясь на отсутствие квартиры, финансов и других возможностей. Ей казалось, что переезд в Румынию всё исправит, но им удавалось находиться рядом только во сне, около трех часов в сутки. О совместных прогулках и близостях уже давно оба позабыли.

На тот момент близился двадцать шестой день рождения Роузи, а Роман уже как несколько месяцев находился в этом возрасте. И только в свои именины, сотруднику отеля давался выходной. В феврале Роман посвятил свой выходной Роузи. Он весь день сидел у бара ресторана и заказывал сок. Медленно потягивая его, он с улыбкой наблюдал за нею. Целый день любования невысокой, худощавой и загоревшей, под солнцем курорта, Роузи, вечером сменился приятным общением. Они без умолку говорили о происходящем вокруг, смеялись над шутками сидящих рядом клиентов и часто говорили, как они друг друга любят. В свой крохотный домик из комнаты, кухоньки и уборной, они возвращались, когда уже светало, крепко держась за руки. Им осталось спать какие-то два-три часа, но они не спешили, молча наслаждаясь компанией друг друга. Потом Роузи резко остановилась, радостно обняла Романа и всунула в его руку маленький серебряный свёрток, поцеловав его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.